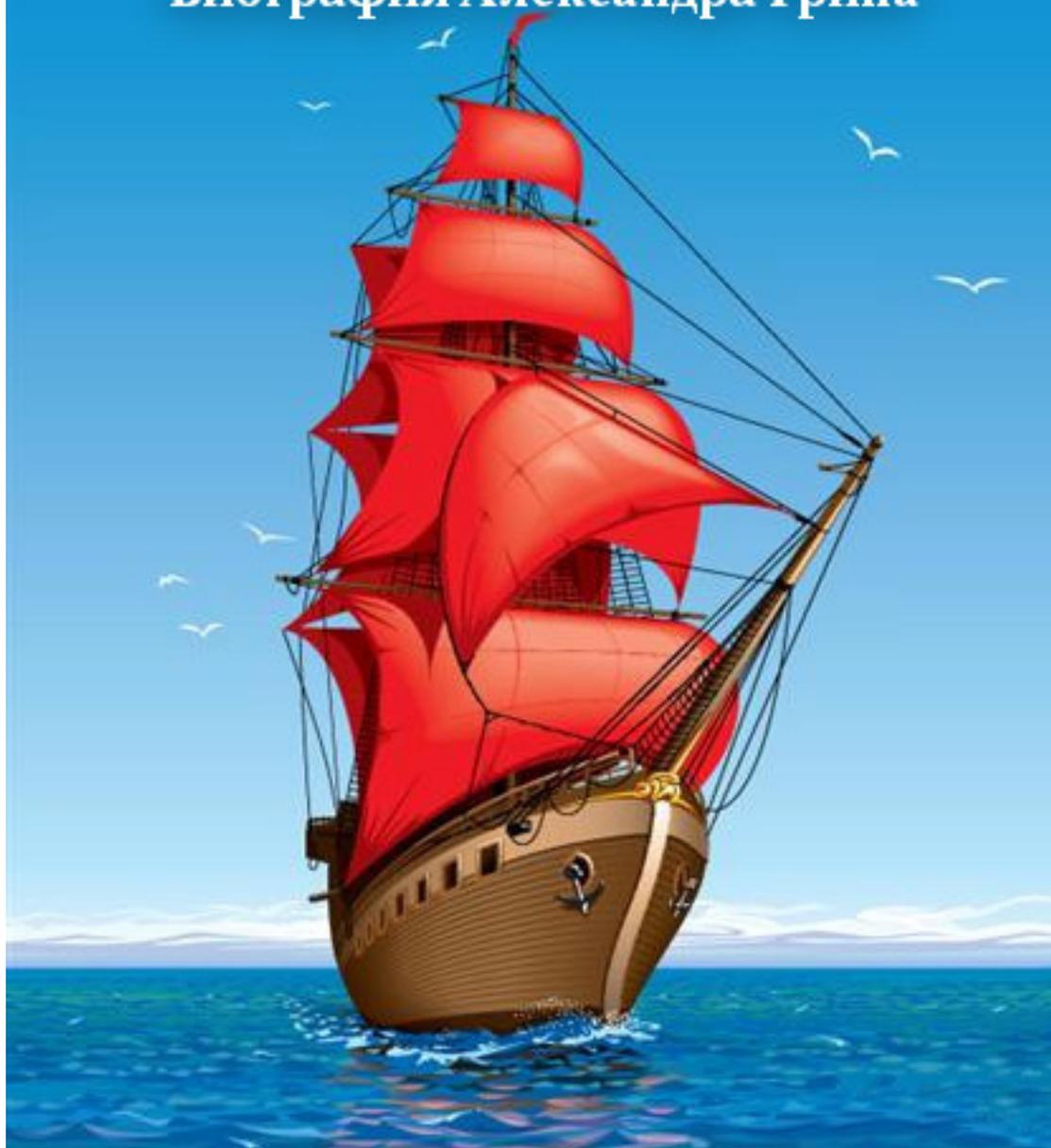

БЕГУЩИЙ ЗА «АЛЫМИ ПАРУСАМИ»

Биография Александра Грина

Эти невозможные люди

**Бегущий за «Алыми парусами».
Биография Александра Грина**

«Автор»

Бегущий за «Алыми парусами». Биография Александра Грина / «Автор», — (Эти невозможные люди)

Биография Александра Грина, составленная А.Р. Андреевым из описаний и воспоминаний его родных, друзей, писателей и литературоведов.

Содержание

Глава 1. Вятка	5
Глава 2. Одесса, Баку, Урал, Пенза, Крым	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Бегущий за «Алыми парусами».

Биография Александра Грина

Составитель Александр Андреев

Я пишу о бурях, кораблях, любви, признанной и отвергнутой, о судьбе, о тайных путях души и смысле случая.

Когда же сойдутся пути эпохи и мой? Должно быть, уже без меня.
Александр Грин

Глава 1. Вятка

Александр Степанович Грин родился 11 (23) августа 1880 года в уездном городе Слободском Вятской губернии. Его отец – дворянин Виленской губернии Дисненского уезда поляк Стефан Евзебиевич Гриневский родился 5 февраля 1843 года. Дед Грина, помещик Виленской губернии Евсей Закшевский-Гриневский имел владение «Запоташница», находившееся в селе Лужки Дисненского уезда. В 1863 году Гриневские приняли участие в польском восстании, дед будущего писателя был убит, имение конфисковано, а 13 апреля 1863 года девятнадцатилетний гимназист Витебской гимназии Стефан Гриневский был арестован «по делу об учениках Витебской гимназии, покушавшихся формировать мятежническую шайку» и 4 сентября 1864 года после суда был выслан пожизненно и с лишением личных прав в Сибирь – в город Колывань Томской губернии. На жительство в Вятскую губернию ссыльный № 1578 Гриневский приехал в июле 1868 года и стал работать в фотографии Рытвинского, тоже ссыльного. Через год со Стефана был снят гласный надзор полиции, а еще через два, 14 августа 1871 года, ему было выдано свидетельство «на свободное проживание в России повсеместно, за исключением столиц и губерний столичных и западных с воспрещением вступать в государственную и общественную службу». Живший в Сарапульском уезде Вятской губернии Стефан Гриневский, ставший Степаном Евсеевичем, 15 сентября 1872 «при Сосновской Архангельской церкви Сарапульского уезда» венчался с Анной Степановной Лепковой. Мать писателя, родившаяся 14 февраля 1857 года, была дочерью надзирателя Вятской мужской гимназии Степана Федоровича Лепкова, внука обрусевшего шведа Лепке-Лепеха, и Агриппины Яковлевны, происходившей из мелкой чиновничьей среды.

После венчания молодая семья переехала в Вятку. В июне 1874 года Степан Евсеевич получил свидетельство, разрешавшее поступать на государственную и общественную службу, и стал работать письмоводителем Вятской губернской земской больницы с жалованьем 40 рублей в месяц; его жена поступила учиться в школу повитух.

В мае 1880 года Гриневские ненадолго переехали в город Слободской, где отец писателя стал работать конторщиком пивоваренного завода. Родившийся 23 августа 1880 года Александр был крещен в Никольской церкви города Слободского – в церковной метрической книге за 1874–1880 годы сохранилась запись о крещении № 32936. В марте 1881 года семья Гриневских

вернулась в Вятку и Степан Евсеевич снова стал работать письмоводителем в земской больнице, в которой 1 января 1889 года стал помощником смотрителя.

В возрасте шести лет мать и отец научили будущего писателя читать и писать.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Популярность произведений А.С. Грина вызывает интерес читателей и личности автора, его семье, родителям. О жизни писателя узнают из «Автобиографической повести» и очерка К. Паустовского «Жизнь Александра Грина». Однако, нельзя забывать, что «Автобиографическая повесть» – произведение художественное, и личность отца – Степана Евсеевича Гриневского – это художественный образ. Грин говорит о нем очень тепло, это был человек, давший своему сыну образование, любовь, поддержку, но при этом Александр Степанович допустил несколько фраз, позволивших Паустовскому и всем другим читателям думать об отце Грина как о безнадежно пропавшем, опустившемся человеке, умершем в нищете и забвении. Но в «Автобиографической повести» отец Грина – литературный герой. Сегодня, имея новые данные вятских исследователей Е. Петряева, М. Махневой, А. Ревы и журналиста из Белоруссии С. Толкачева, можно рассказать о родителях А. Грина подробнее, а особенно о его отце.

Степан Евсеевич Гриневский, 1843 года рождения, был уроженцем Витебской губернии, из дворян. Его отец – дед А. Грина – помещик Виленской губернии, Евсей Закшевский-Гриневский владел имением «Запоташница» в селе Лужки Дисненского уезда, которое было конфисковано царским правительством в 1863 году, за участие Гриневских в польском восстании. Евсей Закшевский-Гриневский был убит в стычке, а девятнадцатилетний ученик шестого класса Витебской гимназии, которую он так и не окончил, – Степан Гриневский, был арестован и выслан «на житье в Томскую губернию».

Через два года Степан Евсеевич приезжает из Кольвани в Вятскую губернию, где за ним устанавливают секретный надзор.

Некоторое время С. Гриневский работает в фотографии Рытвинского, своего товарища по ссылке. Затем в 1871–1872 годах едет в город Сарапуль, где работает на пивоваренном заводе купца Попова. Из Сарапуля он возвращается в Вятку с молодой женой Анной Степановной.

В 1875 году Степан Евсеевич поступил на службу в Губернскую земскую больницу на должность письмоводителя и бухгалтера. Получив отпуск, в мае 1880 года, Гриневские едут в город Слободской. Там 23 августа у них рождается сын Александр. Степан Евсеевич помогает крестному отцу Саши, Льву Ануфриевичу Миштофту, построить новый дом, а затем возвращается с семьей в Вятку и снова работает в Губернской больнице.

В 1883 году Степан Гриневский обратился к вятскому губернатору с просьбой выдать ему свидетельство на свободное проживание без всяких ограничений, но получил отказ. Значит, не простили ему студенческого вольнодумства, значит, был он в том восстании не случайным участником. Хотя в документах неоднократно отмечается, что «письмоводитель и бухгалтер С. Гриневский обязанности исполнял добросовестно и с усердием».

Дважды Степан Евсеевич получал премию от Вятского губернского земства. В 1879 году его избрали в присяжные заседатели по Вятскому уезду. Когда исполнилось 30 лет его службы в больнице, земство преподнесло ему 12

серебряных ложек с монограммой «С.Г.» и датой «12 июля 1903 года» (одна из этих ложек хранится в Феодосийском музее А.С. Грина).

Все это еще раз подтверждает, что Александр Грин и вслед за ним Паустовский сгустили краски, изображая С.Е. Гриневского как неудачника и мученика. А.С. Грин очень любил отца, всегда и везде возил с собой его фотографию. Да и в самой повести Грин говорил об отце очень тепло, о том, как отец учил его читать, как они вместе ходили на рыбалку, жгли костры, жили в палатке. Видя, как девятилетнего сына влечет к охоте, Степан Евсеевич покупает ему старенькое шомпольное ружьецо, а когда Саша стал мечтать о море, отец узнает адреса матросов, ходит, расспрашивает, переживает.

Степан Евсеевич сделал все возможное, чтобы отправить Сашу в Одессу для поступления в мореходные классы. Земство выделило ему деньги на учебу сына.

Когда Александр, сбежав из ссылки, в 1906 году нелегально появился в Вятке, отец достал ему чужой паспорт, с которым Грин еще 4 года жил в столице под именем вятского мещанина А.А. Мальгинова.

В марте 1914 года Степан Евсеевич умер, и об этом было сообщено в губернской газете «Вятская речь». Это лишний раз доказывает, что Степан Евсеевич пользовался в городе большим уважением и почетом.

На похороны отца А.С. Грин приехать не смог, потому что сам находился в лечебнице. От приехал в Вятку только через 2 года. Не смотря на всяческие неурядицы и некоторые разногласия, они любили друг друга, и эту любовь Грин сохранил на всю жизнь.

С. Титова. Об отце писателя. Рукопись Музея А. Грина в Феодосии

Мать А.С. Грина, Анна Степановна Лепкова, родилась 14 января 1857 года. Была дочерью надзирателя вятской мужской гимназии Степана Федоровича Лепкова, предком которого считался пленный швед петровских времен Лепех. Мать Анны Степановны, Агриппина Яковлевна была из семьи мелкого чиновника.

Анне Степановне было полгода, когда умер ее отец. У матери, кроме Анны, на руках остался еще четырехлетний сын Николай. Усталость и бедность заставили отдать пятнадцатилетнюю Анну замуж за политического ссыльного Степана Евсеевича Гриневского, который был вдвое старше своей будущей жены. Их венчание состоялось 15 сентября 1872 года в Михайло-Архангельской церкви села Сосновка Сарапульского уезда Вятской губернии. Вскоре после венчания Гриневские вернулись в Вятку, где после рождения Александра Анна Степановна занималась хозяйством и маленьким сыном. Начальной школы Саша не посещал, так как читать, считать и писать его учили дома. С четырех лет мать стала учить сына азбуке. Читать Сашу научил потом отец, принесший книгу «Гулливер у лилипутов», мать тогда же научила писать.

В 1887 году у Гриневских появилась дочь Антонина, а еще через 2 года – Екатерина.

В 1890 году Анна Степановна поступила в Вятскую фельдшерско-акушерскую школу, тогда ей уже исполнилось 33 года. Это были курсы подготовки аптекарских учениц, повитух, оспопрививательниц и фельдшерских учеников. В программу обучения входило изучение анатомии, латинского языка, физиологии, хирургии, фармакологии, детских и

инфекционных болезней. Занятия будущих повитух проходили в родильном отделении губернской земской больницы.

Авторитет этой школы с каждым годом возрастал. Из других городов стали приходить запросы на окончивших школу и благодарности от врачей за хорошо подготовленных фельдшерниц. Можно сказать, что Анна Степановна получила здесь глубокие знания и хорошую практическую подготовку. Курсы она закончила в 1892 году, получив свидетельство на звание повитухи и оспопрививательницы. Однако, медицинской практикой Анна Степановна занималась недолго. В 1893 году у нее родился еще один сын, Борис, а 21 января 1895 года Анна Степановна умерла от чахотки.

К сожалению, воспоминаний о ней почти не осталось. Очень коротко вспоминает о ней и сам Александр Грин в «Автобиографической повести». Но имя женщины, давшей миру прекрасного художника, всегда отзывается благодарной памятью в душах потомков.

С. Титова. Мать писателя. Рукопись Музея А. Грина в Феодосии

Однажды отец принес книжку «Гулливер у лилипутов» с картинками – крупным шрифтом, на плотной бумаге. Он посадил меня на колени, развернул книжку и сказал:

– Саша, давай читать. Это какая буква?

– «М».

– А эта?

– «О».

– Верно. Как же сказать их сразу?

В моем уме вдруг слились звуки этих букв и следующих, и, сам не понимая, как это вышло, я сказал – «море». Так же сравнительно легко я прочел следующие слова, не помню, какие – и так начал читать.

Я читал бессистемно, безудержно, запоем. В журналах того времени: «Детское чтение», «Семья и школа», «Семейный отдых» – я читал преимущественно рассказы о путешествиях, плаваниях и охоте. После убитого на Кавказе денщиками подполковника Гриневского – моего дяди по отцу – в числе прочих вещей отец мой привез три огромных ящика книг, главным образом на французском и польском языках; но было порядочно книг и на русском. Я рылся в них по целым дням. Мне никто не мешал.

Я хорошо помню, что специально детские книги меня не удовлетворяли. В книгах «для взрослых» я с пренебрежением пропускал «разговоры», стремясь видеть «действие». Майн-Рид, Густав Эмар, Жюль Верн, Луи Жаколио были моим необходимым насущным чтением. Довольно большая библиотека Вятского земского реального училища, куда отдали меня девяти лет, была причиной моих плохих успехов. Вместо учения уроков я при первой возможности валился в кровать с книгой и куском хлеба; грыз краюху и упивался героической живописной жизнью в тропических странах.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

16 августа 1889 года получивший дома начальное образование Александр Гриневский поступил в подготовительный класс Вятского Александровского реального училища. В октябре «по прошению отца» Александр выбыл из училища – учеба возобновилась в августе 1891 года.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Учителя говорили:

– Гринеvский способный мальчик, память у него прекрасная, но он озорник, сорванец, шалун.

Действительно, почти не проходило дня, чтобы в мою классную тетрадь не было занесено замечание: «Оставлен без обеда на один час»; этот час тянулся, как вечность. Одетый, с ранцем за спиной, я садился в рекреационной комнате и уныло смотрел на стенные часы с маятником, звучно отбивавшим секунды. Движение стрелок вытягивало из меня жилы. Смертельно голодный, я начинал искать в партах оставшиеся куски хлеба; иногда находил их, а иногда щелкал зубами в ожидании домашнего наказания, за которым следовал, наконец, обед.

Дома меня ставили в угол, иногда били. Между тем я не делал ничего выходящего за пределы обычных проказ мальчишек. Мне просто не везло: если за уроком я пускал бумажную галку – то или учитель замечал мой посыл, или тот ученик, возле которого упала сия галка, встав, услужливо докладывал:

– Франц Германович, Гринеvский бросается галками!

Если я бежал, например, по коридору, то обязательно наткнулся или на директора или на классного наставника: опять кара. Если я играл во время урока в «перышки» (увлекательная игра, род карамбольного бильярда!), мой партнер отделялся пустяком, а меня, как неисправимого рецидивиста, оставляли без обеда.

Отметка моего поведения была всегда 3. Эта цифра доставляла мне немало слез, особенно когда 3 появлялась как годовая отметка поведения. Из-за нее я был исключен на год и прожил это время, не очень скучая о классе.

На десятом году, видя, как меня страстно влечет к охоте, отец купил мне за рубль старенькое шомпольное ружьецо. Я начал целыми днями пропадать в лесах; не пил, не ел; с утра я уже томился мыслью: «отпустят» или «не отпустят» меня сегодня «стрелять».

Я хаживал с ружьем далеко, на озера и в лес, и часто ночевал в лесу у костра. В охоте мне нравился элемент игры, случайности; поэтому я не делал попытки завести собаку.

Мне нравилось идти одному по диким местам, где я хочу, со своими мыслями, садиться, где хочу, есть и пить, когда и как хочется. Я любил шум леса, запах мха и травы, пестроту цветов, волнующую охотника заросль болот, треск крыльев дикой птицы, выстрелы, стелющийся пороховой дым; любил искать и неожиданно находить.

Множество раз я строил мысленно дикий дом из бревен, с очагом и звериными шкурами на стенах, с книжной полкой в углу; под потолком были развешаны сети; в кладовой висели медвежьи окорока, мешки с «пеммиканом», маисом и кофе. Сжимая в руках ружье с взведенным курком, я протискивался среди густых ветвей чащи, представляя, что меня ждет засада или погоня.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

15 октября 1892 года за комические стихи об учителях ученика 2 класса Александра Гринеvского исключили из реального училища.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

По возвращении в лоно реального училища я пробыл в нем всего только один учебный год.

Меня погубили сочинительство и донос. Еще в приготовительном классе я прославился как сочинитель. В последнюю зиму учения я прочел шуточные стихи Пушкина «Коллекция насекомых» и захотел подражать. Вышло так (я помню не все):

Инспектор, жирный муравей,
Гордится толщиной своей...
Капустин, тощая козявка,
Засохшая былинка, травка,
Которую могу я смять,
Но не желаю рук марать.
Вот немец, рыжая оса,
Конечно – перец, колбаса.
Вот Решетов, могильщик-жук...

Упомянуты, в более или менее обидной форме, были все, за исключением директора: директора я поберег. Имел же я глупость давать читать эти стихи всякому, кто любопытствовал, что еще такое написал «колдун». Списывать их я не давал, а потому некто Маньковский, поляк, сын пристава, однажды вырвал у меня листок и заявил, что покажет учителю во время урока.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Маньковский отдал стихи учителю и Александр Гриневский был исключен из училища. Попытки поступить в Вятскую гимназию ни к чему не привели, и Александр продолжил учебу в Вятском городском земском четырехклассном училище, которое закончил 1 июня 1896 года. В семье Гриневских уже было четверо детей – в 1887 году родилась Антонина, в 1889 – Екатерина, в 1894 – Борис.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

В городском училище я учился посредственно, был на плохом счету, как озорник, хотя и там, кроме возни, драк, непослушания и подсказывания, ничего особенного не творил. Мне хорошо давались лишь словесность, история, закон божий и писание сочинений.

Одно мое сочинение на тему «Мой любимый уголок» учитель читал вслух всему классу как образец. Я описал камышовый островок мельничного пруда, где любил сидеть с книгой, ружьем и хлебом.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

В книге «Литературные находки» Е.Д. Петряев рассказал о домах, где жил юный Грин.

«До 1894 года Гриневские жили в доме Ивановой на Никитской улице, в 1895 году – в доме Пупырева на Раздерихинской улице, а с осени 1895 года и позднее – в доме Леденцова на Преображенской улице».

Для того, чтобы найти эти дома, пришлось обратиться к архивным документам. Фамилии давних домовладельцев уже никто не помнил. И вот, просмотрев гору окладных книг старой Вятки, все же удалось определить, что

на Никитской улице в квартале № 60 у солдатки А.В. Ивановой было два дома: двухэтажный полукаменный и рядом одноэтажный каменный флигель с мезонином. Позже оба дома принадлежали какому-то А.Г. Морозову, а в тридцатых годах перешли государству. В документах архива за 1895 год указано, что наследники Ивановой получали доход – квартирную плату (двенадцать рублей в год) только с флигеля. Это позволяет установить, что Гриневские жили у Ивановой именно во флигеле (улица Володарского, 44 – ныне здесь музей А. Грина. – *Авт.*). Квартира была довольно далеко от городского училища (теперь школа № 42 по улице Коммуны, 33) – почти шесть кварталов, немного ближе она была и в доме Пупырева. Дом этот снесен, и всю северную сторону квартала (против школы № 14) занимают большие здания.

С 1895 года Гриневские жили в доме «кандидата на классную должность» Ф.Н. Леденцова. У него было два полукаменных дома в два этажа; окна квартиры Гриневских выходили на улицу.

В. Сандлер. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

С 11 лет Александр постоянно подрабатывал чертежником, переписчиком, переплетчиком. За год до окончания училища, 21 января 1895 года, от чахотки умерла мать Александра. Его отец, к тому времени ставший бухгалтером-делопроизводителем губернской земской больницы, 7 мая 1895 года во Владимирской церкви Вятки венчался с Лидией Авенириной Борецкой – у Александра появилась мачеха.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Моя мать скончалась от чахотки 37 лет. Мне было тогда 13 лет. Отец женился вторично, взяв за вдовой псаломщика ее сына от первого мужа, девятилетнего Павла. Мои сестры подросли; старшая училась в гимназии, младшая – в начальной земской школе. У мачехи родился ребенок.

Я не знал нормального детства. Меня безумно, исключительно баловали только до восьми лет, дальше стало хуже и пошло все хуже. Я испытал горечь побоев, стояния на коленях. Меня в минуты раздражения, за своеволие и неудачное учение, звали «свинопасом», «золотцем», прочили мне жизнь, полную пресмыкания у людей удачливых, преуспевающих.

К тому времени под влиянием Купера, Э. По, Дефо и Жюль-Верновского «80 тысяч верст под водой» у меня начал складываться идеал одинокой жизни в лесу – жизни охотника. Правда, в 12 лет я знал русских классиков до Решетникова включительно, но указанные выше авторы были сильнее не только русской, но и другой, классической европейской литературы.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

23 июня 1896 года Александр уехал в Одессу для учебы в мореходных классах.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Глава 2. Одесса, Баку, Урал, Пенза, Крым

Отчасти очень дальними родственниками по матери, а больше – просто знакомыми приходились нам Чернышевы. Отец Чернышев был протоиерей кафедрального собора. У него был сын Сережа, двумя или тремя годами старше меня, тихий, малоспособный мальчик; исключили его за неуспешность или же сами родители взяли из семинарии – точно не помню, только в один прекрасный день я узнал, что Сережа отправился в Одессу, поступил в Херсонские мореходные классы и совершил кругосветное путешествие. Торжествующие родители показывали цветную фотографию. На ней был изображен молодой моряк, одетый в форму матроса; на ленте бескозырной фуражки можно было прочесть: «Императрица Мария». Ленты падали от затылка через плечо на грудь. Полосы клинообразно выступающего из-за голландки с синим воротником тельника долгое время не давали мне покоя: я все решал – есть ли это часть рубашки или же это надевается особо, как галстук. Довольно сказать, что я никогда не видел такой одежды и положительно влюбился в нее, особенно в ленты, которые при открытой шее и бескозырной фуражке придавали открытому, мужественному лицу Сережи особый поэтический оттенок. Но, главное, я увидел возможность практического решения задачи путешествий, причем Чернышев еще получал жалованье!

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Денег для поступления в мореходное училище не было, и в августе Александр с трудом стал учеником матроса на пароходе «Платон», на котором сделал только два рейса – за ученичество тоже надо было платить. Гриневский побывал в Севастополе, Ялте, Феодосии, Батуме, Херсоне.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

«Платон» шел круговым рейсом, то есть заходя во все порты, даже такие, где не было пристани; там выгрузка производилась на фелюки; пассажиры уезжали на лодках.

Переход к Севастополю в открытом, без берегов, море, при сильном волнении, вид стай дельфинов, несущихся быстрой парохода, их брызгающие фонтанчики, белые брюха, темные спины, их тяжелые выскакивания, – все действовало упоительно. Ночью при качке было приятно спать, приятно было ходить, покачиваясь, смеяться над тем, как тошнит слабых пассажиров. Нечто настоящее начало совершаться вокруг; все начало отвечать своему назначению: плыть.

Огни вечерней Ялты поразили меня. Весь береговой пейзаж Кавказа и Крыма дал мне сильнейшее впечатление по рассыпанным блистательным созвездиям – огни Ялты запомнились больше всего. Огни порта сливались с огнями невидимого города. Пароход приближался к молу при ясных звуках оркестра в саду. Пролетел запах цветов, теплые порывы ветра; слышались далеко голоса и смех.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Поступить на пароход даже каботажного плавания было непросто. И тут требовались деньги, причем немалые, чтобы оплачивать харчи и обучение. Бесплатно учеников на корабли не брали, а Грин явился в Одессу с шестью рублями в кармане. Удивляться надо не житейской неопытности Грина, не тем передрыгам, которые претерпевает шестнадцатилетний мечтатель, попавший из провинциальной глухомани в шумный портовый город, а тому поистине фанатическому упорству, с каким пробивался он к своей мечте – в море, в матросы. Худенький, узкоплечий, он закалял себя самыми варварскими средствами, учился плавать за волнорезом, где и опытные пловцы, бывало, тонули, разбивались о балки, о камни. Голодный, оборванный, он в поисках «вакансии» неотступно обходил все стоящие в гавани баржи, шхуны, пароходы. И порой добивался своего.

В. Выхров. Рыцарь мечты. Предисловие к собранию сочинений А. Грина в 6 томах. М, 1965

Неопытного ученика-матроса не брали на большие корабли и только осенью 1896 года Александру несколько дней удалось проплавать на дубке «Святой Николай».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Сидел я как-то на набережной в конце гавани, где стояло много этих «дубков», и смотрел, как грузят на «дубки» черепицу, соль, арбузы. Тут подошел ко мне старик шкипер, украинец, и спросил, не хочу ли я поступить на его судно «Святой Николай», которое послезавтра, если будет ветер, пойдет в Херсон. Конечно, я согласился. Жалованья на готовой пище дали мне – увы! – шесть рублей. Спорить не приходилось.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Грин исполнял обязанности матроса и повара; работы было много, ко всему в Херсоне с ним не рассчитались и Александр безбилетным пассажиром вернулся в Одессу, где несколько месяцев работал маркировщиком в портовом пакгаузе.

Весной 1897 года Александр Гриневский на пароходе «Цесаревич» совершил свой единственный заграничный рейс в Египет – в Александрию.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Уволили меня за сопротивление учебной шлюпочной гребле; этому бессмысленному занятию предал нас капитан «Цесаревича», пленившийся артистической работой веслами английских моряков. Дело произошло в Смирне, на обратном из Александрии пути. В наказание (а я публично высмеивал потуги капитана и однажды бросил даже весла) меня сняли с работы и я окончил путь пассажиром, ничего не делая.

На мне осталась хорошая одежда, полный комплект тельников, голландок, две «фланельки», двое брюк – белые и черные. Некоторое время я жил продажей этих вещей, потом работал на погрузке угля; часто, не имея пристанища, ночевал в порту.

Все было уже продано мной – даже моя корзинка, даже краски, которыми хотел я рисовать на берегах Ганга цветы джунглей. Я сохранил лишь на своем теле голландку с синим воротником, тельник, черные брюки и фуражку с лентой, имевшей надпись золотыми буквами «Цесаревич».

В начале июля меня потянуло домой.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Дореволюционные газетчики, строя догадки, утверждали, что автор «Острова Рено» и «Капитана Дюка» – старый морской волк, который обошел все моря и океаны. На самом же деле Грин плавал матросом совсем недолго, а в заграничном порту был один-единственный раз. После первого или второго рейса его обычно списывали. Чаще всего за непокорный нрав.

В. Вихров. Рыцарь мечты. Предисловие к собранию сочинений А. Грина в 6 томах. М, 1965

В июле 1897 года Александр из Одессы вернулся в Вятку, недолго проработал банщиком на станции под городом, переписчиком ролей в городском театре, а в июле 1898 года уехал в Баку. Матросом его не взяли, постоянной работы не было.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

По возвращении из Одессы я прожил дома до июля 1898 года. За это время я всячески пытался найти занятие: служил писцом в одной из местных канцелярий, переписывая роли для театра, некоторое время посещал железнодорожные курсы, был банщиком на станции Мураши (60 верст от Вятки), переписывал по заказу отца ведомости годового отчета земства – относительно земских благотворительных заведений. Но не было в жизни мне ни места, ни занятия. И я решил искать счастья на стороне – подальше от унылой, чопорной Вятки с ее догматом: «быть, как все».

Теперь невозможно припомнить, почему меня тянуло в Баку. Повидимому, я рассчитывал снова плавать на пароходах.

Итак, я отправился в Баку. Ближе к концу июля. Весь мой капитал составляли данные отцом пять рублей, плетеная корзинка с необходимым бельем, подушка и старое одеяло.

Попытки найти место матроса оканчивались неудачно: уж очень я был оборван и грязен. Часто я ночевал в недостроенном пустом доме, среди стружек и кирпичей. Зарывшись в стружки, я кое-как достигал бесчувствия, хотя надо мной свистел норд, а на полуголом теле таял падавший в беспотолочное пространство снег. Заколев к утру так, что ноги отказывались повиноваться, я ковлялся в ближайший духан согреться. Зима тянулась бесконечно долго. Это был мрак и ужас, часто доводивший меня до слез. Не желая тревожить отца, я иногда писал ему, что плаваю матросом... А его письма из письма в письмо твердили о нужде, долгах, заботах и расходах для других детей.

Хроническое голодание вело к тому, что, заработав где-нибудь 70–80 копеек, я не удерживался и проедал их. Благие намерения ограничиться «кишечным» рестораном у татарина, жарящего на огромной сковороде где-нибудь в нише стены рубленые на куски бараньи, очень жирные кишки, – оканчивались победой соблазна, а между тем кишечник давал на две копейки целую тарелку плохо промытых, припахивающих калом, но горяче-румяно поджаренных кусков, залитых жиром. Какие же это были соблазны? (Водки я почти не пил.) Рыночный пирог с ливером, колбаса, окрашенная фуксином, виноград, арбуз, дыня, чурек, лаваш (тонкие, пресные и очень большие

лепешки без соли, белые), баранье рагу, борщ, чай, трехкопеечные папиросы – вот и все, кажется.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

В Баку он жил случайным, копеечным трудом: забивал свои в порту, счищал краску со старых пароходов, грузил лес, вместе с босьяками нанимался гасить пожары на нефтяных вышках. Он умирал от малярии в рыбачьей артели и едва не погиб от жажды на песчаных смертоносных пляжах Каспийского моря между Баку и Дербентом. Ночевал Грин в пустых котлах на пристани, под опрокинутыми лодками или просто под заборами.

Жизнь в Баку наложила жестокий отпечаток на Грина. Он стал печален, неразговорчив, а внешние следы бакинской жизни – преждевременная старость – остались у Грина навсегда.

Внешность Грина говорила лучше слов о характере его жизни: это был необычайно худой, высокий и сутулый человек, с лицом, иссеченным тысячами морщин и шрамов, с усталыми глазами, загоравшимися прекрасным блеском только в минуты чтения или выдумывания необычайных рассказов.

К. Паустовский. Предисловие к сборнику А. Грина «Золотая цепь». М, 1939

Весной 1899 года Александр Гринеvский из Баку вернулся в Вятку, где полгода проработал в железнодорожных мастерских Вятского депо. В начале 1900 года Александр недолго пробыл в Котласе, а в апреле Грин поступил матросом на баржу пароходства Т.Ф. Булычова, ходившую по реке Вятке, но проплавал только два месяца. 23 февраля 1901 года Александр Гринеvский ушел пешком на Урал.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Всю эту зиму я прожил бедствуя изо дня в день. Мне удавалось иногда заработать рубль-два перепиской ролей для труппы городского театра, причем, чтобы получить даже эти гроши, приходилось иногда часами ловить за кулисами антрепренера, а то даже ожидать конца спектакля, когда антрепренер залезал в кассу сверять билеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.